ВЕСНА

Закрываю глаза и хочется
До сведённых тоскою век,
Чтобы чёртово одиночество
Растворилось, как грязный снег.
Чтоб весна, да не календарная,
Настоящая — изнутри,
Словно пламя зажглась
янтарное,
И глазища — как фонари.
Чтоб уют — крепкий чай и
пряники,
Запах липы и тишина,
И напротив друг друга
странники
У распахнутого окна
Смотрят в небо, сидят усталые,
Взявшись за руки под столом.
И смеются, как дети малые,
И не важно им, что потом.

ПАМЯТЬ

Если вытряхнуть из башки
шмотки,
Шпильки, цацки, ажурные
колготки,

Останется крик, похороненный
заживо в глотке,
И жуткое желание нажраться
водки,
Резать кожу, рассекая волокна,
Нырять в окна,
Молить Бога, захлебываясь
ядом неверия —
Даже перед собой не избежать
лицемерия.
Выжигать буквы, которые не на
теле, а много глубже,
Перебирать камни, считать
мёртвые души,
Закрывать шторы, замирать под
кровать/you,
На сколько ещё меня хватит?
Я могу отрубить себе руки,
переломать ноги,
выплеснуть чёрные кляксы
зрачков,
Но кто мне подскажет,
где нанять киллера
для этих проклятых снов?
Вырезала кадры, бросала
цветам в алые пасти —
Девочка-ластик
с глазами вчерашнего
счастья.

ОНА ГОВОРИТ

Она говорит: «Я счастлива!» —
С усмешкой в холодных глазах.
И прячет невольно худые
запястья.
Она говорит, что он носит её
на руках,
И пристально смотрит «глазами
вчерашнего счастья».

Остывшее лето знобит —
она прячется в шаль,
И смотрит часами в
начищенный неба хрусталь.
Она говорит, что сама
повернула в кювет,
И бусины слов, рассыпаясь,
стучат о паркет.

НОЖИ

Слишком много мужчин
поселилось во мне.
Разбивают палатки, разводят
костры,
Я тушу их пожары в пурпурном
вине,
Только флаги их рдеют, всё
так же пестры.
Я неслышно дышу, я не выдам
себя.
Их бесшумные тени скользят
изнутри.
Я когда-то любила всех этих
ребят.
Я когда-то убила /прицельно/
на три.

У любви правил нет, тут всяк
себе бог,
Но в итоге имеешь, кого
заслужил...
Я хочу, чтобы ты прочитал
между строк —
Слишком много мужчин во мне
точат ножи.

ПАРИ

Он меня из меня не достанет.
К чёрту ставки, давайте пари!
Он собою самим слишком занят,
Чтоб заметить меня изнутри.

Он со мною и ласков и нежен,
И глаза на меня — фонари.
Но финал всё равно
неизбежен —
Он снаружи, а я — изнутри.

КОМНАТА

Одна комната
на двоих.
Один белый,
Другой — стих.
Жёлтых пятен узоры стен
Кому дом,
а кому-то плен.
Одна комната —
две души.
Кому — смерть,
а кому ушиб.
Есть окно,
есть дверной проём,
И приходят сюда вдвоём.
А уходят по одному:
Он — за дверь,
а она — к окну.

МЫ УМЕРЛИ РАНЬШЕ

Мы умерли раньше, чем ты
закричала,
Вскочила с кровати,
Метнулась к распятью,
Запутавшись в скользких
шелках одеяла,
Упала.
Мы умерли раньше, чем ты
закурила,
Губами упруго хватая затяжки.
В одетой на голое тело рубашке,
Уткнувшись локтями в гнилые
перила —
Застыла.

Нас как-то нелепо внезапно
не стало.
Нас было так много, нам было
так мало
Упрёков, объятий, признаний,
скандалов —
Нам вечно чего-то недоставало.
Мы умерли раньше, чем стали
чужими,
И кто-то другой смотрит вслед
мне устало.
И кто-то другой подберёт
одеяло,
И даст тебе новое глупое имя.

ВЗРОСЛЫЕ

Просто мы уже взрослые
И не можем уже —
до дрожи.
Меньше книжек —
больше киношек,
Гладим брюки и чьих-то кошек.
А помнишь,
Помнишь,
Как мы боялись перестать верить/
мечтать/говорить глупости/
думать истины,
Ловить ртом снежинки,
кидаться листьями?
Мы боялись,
Боялись вот этой осени —
когда станем взрослыми.